

2 минуты назад

Сопrotивляйся и будь свободен

Люди свободны? Являемся ли мы источниками хотя бы части нашего поведения, а не просто сценами, в которых законы природы разворачиваются со временем? И действительно ли наша свобода, как мы ее определяем, действительно отличается от всего того, чем наслаждаются наши нечеловеческие кузены?

Эти заботы преследуют философов. В книге «За добром и злом» (1886) Фридрих Ницше заметил, что то, как мы задаем важные вопросы, как то, как мы отвечаем на них, отвечает потребностям и тревогам исторического момента, когда эти вопросы возникают у нас. Если мы заботимся о свободе более остро, чем когда-либо, возможно, это потому, что мы все больше и больше настраиваемся на множество способов, которыми наше самоуправление подрывается или угоняется для использования и махинаций других - особенно корпорациями или учреждениями, которые не имеют нашего благополучия в душе.

Один из способов начать думать об этих проблемах - изучить, что мы можем понимать под «свободой». Политический философ 20-го века Исаия Берлин различал два вида свободы, хотя он предпочитал термин «свобода». В своей [лекции](#) «Две концепции свободы» (1958) Берлин ввел понятие «отрицательная свобода»: по сути, свобода от вмешательства, такого как государство или законные власти. Вы отрицательно свободны в той степени, в которой другие не мешают вам делать то, что вы хотите делать, особенно в соответствии с законами и законами. (Для такого рода свободы ограничения, налагаемые на нас природой, такие как неспособность летать, не считаются вмешательством.) После Берлина многие современные философы - такие как [Филипп Петтит](#) - говорить о свободе как о свободе от господства.

В то время как отрицательная свобода касается того, что другие могут сделать, чтобы ограничить ваши действия, положительная свобода касается того, что вы можете сделать, чтобы контролировать свою собственную жизнь. То есть вы абсолютно свободны, если наслаждаетесь мастерством над собой, чтобы достичь своих целей или амбиций. Люди, у которых нет ресурсов для контроля за своими действиями из-за таких факторов, как лишение или зависимость, не пользуются большой положительной свободой, даже если их никто не сдерживает.

Вопрос самообладания переходит к темам автономии и самости. Влиятельная идея, выдвинутая философами от Платона до Зигмунда Фрейда, заключается в том, что «я» состоит из привилегированного набора совокупности желаний и мотивов тела. Современная версия этой идеи связывает себя с желаниями высшего порядка: желаниями о желаниях, такими как

желание отучить себя от тяги к кофеину или социальным сетям. Самость, которая успешно отождествляется с этими (буквально) более возвышенными желаниями, теперь часто называют автономной. Таким образом, автономия - как положительная свобода - подразумевает наличие «низменных» желаний и побуждает к действию.

Тем не менее, концепция автономии была оспорена - особенно из традиций, которые рассматривают, как социальные и политические силы формируют ложное сознание. Наряду с марксистскими теоретиками, такими как Фридрих Энгельс, французский философ 20-го века Мишель Фуко предположил, что даже содержание наших мыслей вместе с институтами, которые ограничивают нашу жизнь, являются выражением системной власти. Фуко рисует картину людей как марионеток, в плену учреждений, которые направляют интересы элит. Функция этих учреждений - таких как тюрьмы и больницы для душевнобольных - состоит в том, чтобы дисциплинировать людей в поддержании статус-кво. То, как эти системы распределяют наказания и населяют наше воображение, удерживает нас, словно мухи янтаря, под одной лишь угрозой наказания. Например, стереотипы часто отражают репрессивные, неоправданные ожидания, но исследования показывают, что люди склонны соответствовать им. В явлении, известном как [стереотипная угроза](#), напоминание женщинам или людям цвета их пола или расовой принадлежности до того, как они попросят их пройти определенные тесты, может искусственно снизить их баллы - в соответствии со стереотипами об этих людях как менее умных или образованных.

Если идеи Фуко верны, сама идея самообладания является злым и ироничным искажением реальности, служащим закреплению отсутствия свободы. Любое очевидное самообладание - это не более, чем выражение того, как нас дисциплинировали; это замаскированная форма рабства. У нас нет истинных вариантов: либо мы подчиняемся, либо нас наказывают. Чтобы использовать берлинский язык, наша позитивная свобода существует только для удовлетворения потребностей других и основана на силе, которой они пользуются. Где в этом свобода? Является ли это свободой, когда женщина предпочитает молчать о сексуальном насилии, например, из-за страха быть осужденным дисциплинарными институтами своего общества? Конечно, нет. Без живых опций не может быть настоящей свободы.

В этой мысли заложен принцип, согласно которому любая свобода, заслуживающая названия, заключается в наличии альтернатив. Таким образом, человек, совершающий действие - скажем, молчание о сексуальном насилии - квалифицируется как проявляющий свободу только при условии, что он мог сделать что-то еще. Философы называли эту простую идею грандиозным названием: принцип альтернативных возможностей, или PAP. PAP прекрасно согласуется с моделью выбора, которая оживляет литературу и более широкую культуру Запада: от поэмы Роберта Фроста «Дорога не пройдена» (1916) до рассказа Хорхе Луиса Борхеса «Сад форковских троп» (1941),

Проблема с PAP, однако, заключается в том, что он пытается объяснить, почему наличие большего количества опций часто не способствует свободе. На самом деле, распространение вариантов иногда оказывает противоположный эффект: вместо этого он создает паралич, например, когда вы сталкиваетесь со слишком большим выбором хлопьев в супермаркете. Как это возможно, что больше вариантов может быть как-то ограничивающим, если свобода действительно о вариантах?

erhaps свобода не о вариантах на всех. Есть две веские причины, чтобы думать об этом, [выдвинутые](#) в 1969 году философом Гарри Франкфуртом (который также окрестил PAP). Во-первых, некоторым людям, у которых нет вариантов, они не нужны, чтобы наслаждаться свободой, достойной этого имени. Почему? Потому что эти бедные люди могут оставаться на пути, который - как это происходит - они не могут отклониться от, не зная, что

это единственный доступный путь для них.

Рассмотрим сценарий, в котором солдат Амайя является свидетелем того, как старший офицер совершает военное преступление, но решает не сообщать о нем из-за чувства верности репутации армии. Предположим, что старший офицер, опасаясь разоблачения, взламывает почтовый аккаунт Амайи, чтобы добыть его на грязь. Ему удается раскрыть разрушительный секрет ее прошлого. На данный момент он хранит это знание при себе, но знает, что может угрожать раскрыть его Амайе и всему миру, если она пересмотрит свое решение хранить молчание.

Давайте предположим, что Амая неизменно поддавалась шантажу. Поэтому, хотя теоретически она может раскрыть своего старшего офицера, реальность такова, что такой альтернативы на самом деле не существует.

Но, как это бывает, Амая не отказывается: она никогда не колеблется в своем решении хранить молчание и просто продолжает, как она начала. Поэтому офицер не испытывает соблазна прибегнуть к шантажу. Была ли нарушена ее свобода в этом сценарии?

Возможно, меньше вариантов «освобождают» нас от выбора между несколькими нежелательными вариантами

Мало кто бы так думал, я предлагаю. В конце концов, информация в руках офицера никогда не используется в качестве рычага против Амайи; он никогда не противостоит ей. Поэтому, хотя, согласно гипотетической истории, это правда, что у нее нет иного выбора, кроме как молчать, она свободна во всем, сохраняя свой собственный совет по этому вопросу. Другими словами, достаточно просто поверить, что вы справились со своими личными ценностями, а затем выбрать конкретный путь, чтобы освободить вас.

Этот мысленный эксперимент предполагает, что просто наличие большего количества вариантов не означает большей свободы: мы не будем более свободными благодаря появлению сотен брендов зерновых или меньшего количества общих секретов. Напротив, меньшее количество вариантов, возможно, «освобождает» нас от необходимости выбирать из множества, по сути, нежелательных вариантов.

Вторая причина скептически относиться к оценке свободы, основанной на опционах, заключается в том, что люди с опциями не часто признают их живыми - поэтому они не получают никакой реальной выгоды от их наличия. Возьмите ситуацию, когда женщина подверглась сексуальному насилию и пытается решить, сообщать об этом или нет. Давайте назовем ее Алиса. По сравнению с Амайей, здесь наш главный герой еще более подвержен мести и подвергнет риску ее средства к существованию и репутацию, если она сообщит о своем нападавшем. Так что она может даже не считать публичную декларацию реальной возможностью; следовательно, Алиса также хранит молчание, но не из-за «живого» выбора.

Случай Алисы представляет собой наиболее разрушительный способ ограничения свободы человека: сделать саму мысль об определенных вариантах источником наказания или дисциплины. Опции ничего не значат, если вы даже не можете их рассмотреть. Кроме того, они ничего не значат, если они не влияют на то, как вы строите планы для себя. В той степени, в которой ваш разум не может расширяться, чтобы принять доступные альтернативы, даже если только нарисовать карту гипотетических путей, в этой степени вы несвободны - лично и политически.

Так что, если свобода не зависит от нескольких вариантов, что это? На мой взгляд, свобода больше связана с тем, как вы себя воспринимаете, и с тем, как вы достигаете этой

самооценки. Это термин, знакомый психологам и социологам и связанный с природой идентичности. Вы можете думать о себе как о добром человеке, добросовестном работнике, хорошем друге, патриоте, интеллигентном гражданине, хорошо разбирающемся в математике (или нет), пригодном для лидерства (или нет). Вопрос в том, как вы пришли к какому-либо из этих самоописаний и как вам удалось отбросить других? Ответ на этот вопрос я бы [поспорил](#), мера того, насколько вы свободны. Точнее говоря, вы проявляете свою свободу наиболее сильно, когда отвергаете или отталкиваетесь от ярлыка или дескриптора, которые другие навязывают вам - независимо от того, делают они это мягко или в самых решительных выражениях.

Социальные психологи изучили предпочтительные для себя представления людей. В 1970-х годах исследовательская группа по социальной психологии Клода Стила звонила по телефону женщинам дома в Солт-Лейк-Сити, штат Юта - населению с необычайно сильной общественной этикой. Выдавая себя за социологов, ищущих участников опроса, первый собеседник сказал некоторым женщинам, что все в сообществе знают, что они не сотрудничают с общественными проектами. Другой группе сказали, что они сияют маяками участия сообщества. Два дня спустя с теми же женщинами снова связались, якобы, несвязанные абоненты, и спросили, будут ли они готовы помочь с общественным проектом (продовольственный кооператив). Женщины, которые чувствовали себя лично оскорбленными первой группой звонящих, были готовы помочь с проектом кооператива, и сделал это в два раза чаще, чем женщины, которых хвалили за гражданственность. Женщины, получившие удар по своей самооценке как граждане, хотели восстановить свою прежнюю самооценку - вернуть прежнее высокое мнение о себе как о служителях общины.

Выводы Стила убедили его в том, что человеку нужна хорошо функционирующая система самоуважения, чтобы объяснить себя. Таким образом, мы поддерживаем феноменальный опыт себя как «адаптивно и морально адекватного». Стил [утверждает](#), что наш предпочтительный способ думать о себе всегда находится в состоянии готовности к угрозам и активизируется всякий раз, когда поступающая информация угрожает ее целостности. При активации система требует восстановления прежней концепции или, в конечном счете, ее изменения.

Когда кто-то терпит удар по ценному пониманию себя, это может создать кризис. Это как раз те моменты, которые, я думаю, дают возможность проявить свободу - реальные возможности практиковать свободу. Когда Алиса думает о том, стоит ли сообщать о своем нападении, например, она может подумать о примере, который она хочет показать своим детям, и о том, является ли она тем человеком, который говорит правду правде. То, что мы делаем в такие моменты, в тигле самосоздания, может либо способствовать нашему освобождению как подлинных, самодельных индивидуумов, либо препятствовать нашей способности к самоопределению.

Вернитесь к Амайе, который хранит в тайне личную заботу о корпусе, и эта забота затмевает других. Допустим, ее решение не действовать вытекает из ее самооценки - как верного солдата или преданного гражданина - а не из чувства стыда или страха. Так что тот факт, что офицер тайно украл информацию о ней, не лишает Амайю способности действовать исходя из ее самооценки как человека, который лоялен к вооруженным силам. Действительно, похоже, что она ничего не лишает. Так что она свободна, благодаря свету нового счета свободы, который я предлагаю, даже если нам не понравится то, что она делает с этой свободой.

Люди могут использовать случаи сдержанности или репрессий как моменты самосоздания

Не только наши действия, но и язык, который мы используем, чтобы выразить самооценку, также должны тщательно охраняться. Предположим, что Алиса считает себя сильным

человеком, компетентным профессионалом и кормильцем для своей семьи. Если она также считает, что сообщение об этом инциденте плохо отражается на этих вещах - если в ее обществе она помечена как трусливая и отражает личную или моральную слабость, - она не может действовать в соответствии со своей самооценкой как сильным профессиональным кормильцем сообщая о сексуальном насилии. Когда она действует, чтобы молчать, она делает это из уважения к ожиданиям других, и, возможно, даже, уступая значение силы и независимости другим. Ее ожидания и понимание сформированы самой культурой, которая сделала ее уязвимой для нападения во-первых.

А теперь представьте себе, что Алиса может отрицать представление о себе как о трусливом, когда сообщает о нападении. Представьте себе, если бы она смогла увидеть себя смелой в репортаже. Это изменило бы баланс против ожиданий (молчания), которые Фуко считал бы «дисциплинарными». Чтобы сделать это, Алисе, возможно, придется изменить значение «силы» и «трусости» в своем собственном уме, а не просто принимать их от других. Возможность изменить смысл таких идей, чтобы противостоять дисциплинарным системам, несет огромную силу. Момент несвободы, случай, который встречает подобный контрудар, может также позволить человеку практиковать свободу. Все зависит от того, насколько ты готов противостоять.

Можно также оттолкнуться от стереотипов. Люди, которые решительно реагируют на угрозу стереотипа, в конечном итоге подчиняются ожиданиям, а не действуют из подлинной самооценки, и поэтому несвободны. Но если вы заранее готовы к угрозе, вы можете изменить баланс в пользу повышения производительности. Вы можете принять представление о себе как о равной (и, если возможно, лучше подготовленной, чем) доминирующей группе; вы можете думать о себе как о не ущемленном вашей расе, полу или чем-либо еще. При этом вы боретесь с внутренним уклоном, а также удаляете некоторые из множества нитей, которые плотно вплетаются в корсеты, формирующие нашу жизнь.

Если мы отвлечемся от размышлений о «вариантах» или «альтернативах» и вместо этого рассмотрим возможности формирования собственного имиджа в ходе сопротивления репрессивным силам, мы сможем продвинуть настоящую свободу. Таким образом, мы можем помочь людям использовать случаи сдерживания или репрессий как моменты самосоздания, готовя людей заранее к угрозам их свободе.

Этот новый подход к свободе требует метаморфозы в том, как мы думаем о создании идентичности, особенно в ситуациях, когда мы были дисциплинированы, чтобы исключить подходящие варианты. Как друзья, так и критики не оказывают нам никакой помощи, когда указывают, что мы можем «делать все, что хотим». Если мы не можем рассматривать альтернативы как действительно открытые из-за стереотипов или других форм ожидания, не имеет значения, существуют ли они технически. Истинная свобода - это, в основном, самопомощь: вы свободны, когда вы действуете из-за своей самооценки, даже (или особенно), когда вы это делаете, не поддается тому, на что, по мнению других, вы способны.

Ссылка на статью: [Сопrotивляйся и будь свободен](#)